

DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.026

УДК 32.327

Ю.А. РОГОВ

аспирант факультета глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: rogovyua@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бурное развитие технологий и алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) определяет актуальность исследования его применимости в различных сферах политики, особенно в тех, которые могут существенно выиграть от внедрения технологий анализа больших массивов данных – ярким примером здесь является публичная дипломатия. В работе анализируются перспективы и ограничения применимости алгоритмов ИИ в сфере публичной дипломатии. Выявлено, что двумя ключевыми ограничениями являются распространенная скрытая предвзятость алгоритмов ИИ, зачастую в неявном виде продвигающая западные нарративы, а также сглаживание неопределенности, в то время как адекватное представление обо всем спектре существующих в обществе таргетируемой страны мнений и нарративов, открытость к альтернативным интерпретациям фактов и реальности является краеугольным камнем публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, искусственный интеллект, гегемония США, поддержка принятия решений, предвзятость, неопределенность.

Рассматривая влияние распространения ИИ в различных его видах и формах на публичную дипломатию, необходимо, в первую очередь, остановиться на рабочих определениях обоих феноменов, поскольку каждый из них представляет собой, по сути, «зонтичный» термин, объединяющий большое количество разнородных явлений.

Единое определение ИИ, отражающее все его значимые (и чрезвычайно быстро изменяющиеся) аспекты, все связанные с ним – или даже основанные на нем – технологии, имеющие значимое влияние на жизнедеятельность человечества, отдельных обществ и отдельных индивидов, к настоящему времени не выработано – и едва ли возможно на текущей стадии развития ИИ. В настоящей работе рассматриваются в основном практические приложения генеративного ИИ, то есть алгоритмы ИИ, создающие контент по запросу пользователя. Создаваемый контент может иметь вид текстов (или комментариев к ним), аудио- и видеозаписей, изображений, ответов на вопросы и т.д.

Что касается публичной дипломатии, этот термин был введен в научный оборот в 1965 году Эдмундом Галлионом, деканом Школы права и дипломатии

им. Флетчера при Университете Тафтса, в качестве положительно окрашенного синонима негативно окрашенному термину «пропаганда». В самом широком смысле публичная дипломатия представляет собой процесс достижения некоторой страной своих внешнеполитических целей за счет влияния на население другой страны. В настоящей работе мы воспользуемся определением Ж. Хуаня, постулирующего, что публичная дипломатия – это «долгосрочная, хорошо организованная серия дискурсивных практик, призванная сформировать то, как целевое гражданское общество воспринимает конкретное событие; это влияние осуществляется посредством использования риторики и терминологии для воздействия на доминирующий публичный дискурс в этом обществе, стимулирования консенсуса среди целевых аудиторий и влияния на принятие политических решений в целевых правительствах» [3. С. 1].

Четыре законодательных акта определяют основные функции правительства США в сфере публичной дипломатии:

- Закон об основных органах государственного управления 1956 года предписывает учреждение должности заместителя госсекретаря Государственного департамента по публичной дипломатии;

- Закон США об обмене в сфере информации и образования 1948 года (он же Закон Смита-Мундта) провозглашает своей целью «позволить правительству Соединенных Штатов содействовать лучшему пониманию Соединенных Штатов в других странах и увеличить взаимопонимание между людьми Соединенных Штатов и народами других стран». Он также уполномочивает госсекретаря готовить и распространять «информацию о Соединенных Штатах, их народе и политике посредством прессы, публикаций, радио, кинофильмов и других информационных центров и инструкторов за рубежом».

- Закон о взаимном образовательном и культурном обмене 1961 года (он же Закон Фулбрайта-Хейса) санкционирует целый ряд инструментов публичной дипломатии: предоставление грантов и контрактов на осуществление образовательных и культурных обменов для граждан США и граждан других стран; обеспечение участия в международных ярмарках и экспозициях за рубежом; обеспечение обмена книгами, периодическими изданиями и правительственными публикациями, а также воспроизведение и перевод таких материалов; обеспечение обмена техническими и научными материалами и оборудованием, создание центров культурно-технических обменов; содействие в создании, расширении, поддержании и функционировании школ и учебных заведений за рубежом, а также поддержка американских исследований в зарубежных странах; поощрение обучения американцев иностранным языкам и регионоведению; представительство США на международных неправительственных образовательных, научных и технических совещаниях и др.

- Закон Соединенных Штатов о международном радиовещании от 1994 года, поддерживавший трансляцию радио- и телепередач США невоенного характера в других странах мира.

Итак, публичная дипломатия США – особый, значимый и отдельно направляемый и управляемый инструмент внешней политики, нашедший в последние годы опору своей деятельности в концепциях мягкой и умной силы. Однако уже в 2013–2015 годах на смену «мягкой» публичной дипломатии все чаще в общении с потенциальными или реальными противниками приходит «стратегическая коммуникация», а сама публичная дипломатия, как и в годы Холодной войны, рассматривается как инструмент политической пропаганды. Задачи использования «пятых колонн» других стран в американских интересах вошли в американскую Стратегию национальной безопасности 2010 г. и Стратегию публичной дипломатии США. Однако, если в первом документе говорилось о равноправном партнерстве с зарубежными странами [4; 6], то второй открыто декларировал поддержку всех движений, которые имели своей целью борьбу и свержение «авторитарных режимов». «Умная сила» поддерживала бренд США как страны, пекущейся о «глобальном благе».

Однако многие развивающиеся и политически развитые страны, в первую очередь, Россия и КНР, в течение последних десятилетий узнали достаточно много о реальной сущности публичной дипломатии США и приняли меры по минимизации ее воздействию на стабильность и национальную безопасность.

Наиболее основательно публичная дипломатия действует тогда, когда она опирается на мощную идеологическую базу. Основными этапами развития публичной дипломатии можно считать этап ее становления (между и во время мировых войн), активного развития – во время Холодной войны, когда закрепляется идеологическое обоснование взгляда на США как «центр свободного мира», борющегося с «заклятым врагом» – коммунизмом. Появление нового врага – поначалу якобы в лице международного терроризма, достигшего в конце 1990-х – начале 2000-х годов государственного уровня, а в реальности – всего мира быстро развивающихся стран, косвенно угрожающих мировой гегемонии Америки (что особенно очевидно в последние годы), создало предпосылки для нового, еще более идеологически и технологически оснащенного этапа развития американской публичной дипломатии.

Представляется, что дальнейшие изменения американской публичной дипломатии в ближайшей перспективе будут обуславливаться двумя макро-трендами. Во-первых, это утрата Соединенными Штатами статуса гегемона и их все более отчаянные попытки этот статус удержать – любыми способами. При этом ученые отмечают неотвратимость краха Pax Americana и самой позиции мирового гегемона как таковой в условиях формирования многополярного мира. Нельзя не согласиться с профессором Л.Е. Грининым в том, что «движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов со стороны всех, особенно США. Однако мудрость всегда являлась дефицитным качеством в среде политических элит» [1. С. 39]. Во-вторых, в условиях нарастания, не побоимся этого эпитета, истерических попыток США удержать распадающийся однополярный мир неизбежно нарастание нестабильности и интенсификации конфликтов. Представляется, что эти конфликты будут отражением современной

информационной эпохи и будут иметь форму не только – и, весьма вероятно, не столько – «традиционных» боевых действий, сколько информационного противостояния, задействующего самые разные инструменты. Одной из ключевых групп таких инструментов, несомненно, будут являться технологии, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта (ИИ). В настоящей работе мы подробно остановимся на двух потенциально перспективных применениях ИИ в публичной дипломатии – поддержка принятия решений и генерация контента.

Применение ИИ в поддержке принятия решений, как представляется, имеет значительные перспективы, особенно в связи с лавинообразным нарастанием объемов информации, которую необходимо учитывать лицам, принимающим решения, и в силу этого нарастания алгоритмы ИИ, вполне вероятно, будут использоваться все чаще. Алгоритмы ИИ раскрывают и/или изучают ассоциации посредством сканирования, сбора, анализа и категоризации данных. Однако применительно к публичной дипломатии их использование имеет ряд серьезных ограничений.

В первую очередь, ИИ может генерировать предвзятые результаты. Это очень широкая проблема, поскольку типы предвзятости могут быть самыми разными. Для публичной дипломатии чрезвычайно важно, что ИИ может в качестве нейтрального результата выдавать результат, который является частью вполне определенного (в том числе политически окрашенного) дискурса или нарратива. Этот эффект может возникать в том числе из-за присутствия предвзятости в выборке, на которой обучались алгоритмы ИИ, или же из-за предвзятости в непосредственно анализируемом массиве информации. Действительно, проектирование и создание моделей, в основе которых лежит ИИ, опирается на пользовательский контент в цифровой сфере и сбор данных с помощью созданных человеком алгоритмов, которые неизбежно будут отражать приобретенные знания, социальные обычаи, политические тенденции и идеологии людей. Благодаря этому процессу когнитивные предубеждения как пользователей, так и разработчиков алгоритмов проникают в систему ИИ и оттуда неявным образом распространяются дальше, среди людей, использующих этот инструмент.

Так, китайские исследователи провели эксперимент, задав ChatGPT вопрос о том, как можно представить студентам информацию о событиях 1989 года на площади Тяньаньмэнь, на что тот дал ответ, что эти события «обычно называют резней на площади Тяньаньмэнь или просто событиями на площади Тяньаньмэнь» [3. С. 1]. Первое определение, использующее слово «резня», никак нельзя считать нейтральным, поскольку оно отражает риторику западных стран и их СМИ. Более того, оно не соответствует тому, что подкомиссия ООН по правам человека определила этот инцидент как «жестокие репрессии» в официальном дискурсе [3]. Таким образом, ChatGPT дал два ответа на поставленный вопрос – политически окрашенный и нейтральный – поставив их вровень и не пояснив, что за каждым из этих ответов стоит набор мнений с определенной ориентацией. В то же время, у пользователей, задающих ChatGPT вопрос о событиях на площади Тяньаньмэнь и получающих ответ, содержащий слово «резня»,

формируется представление об этих событиях, в котором одни атрибуты заведомо подчеркнуты, «выпячены», а другие, напротив, скрыты; за счет этого меняется воспринимаемая ими социальная реальность. Использование политически окрашенных терминов влияет на приобретение населением знаний, понимание, атрибуцию и суждение о тех или иных фактах, событиях, персоналиях – то есть на то, на что призвана влиять публичная дипломатия.

ChatGPT не учитывает множественность точек зрения по сложным геополитическим вопросам, что представляет серьезную проблему при использовании этого инструмента для поддержки принятия решений в публичной дипломатии и может привести к неверному таргетированию кампаний публичной дипломатии, неправильному использованию ее инструментов и даже к дипломатическим инцидентам, особенно в контексте растущего разнообразия субъектов публичной дипломатии. Эти риски еще более обостряются из-за того, что ответы, даваемые генеративными инструментами ИИ, как правило, носят характер утверждений, которые не подлежат аргументации, обоснованию и осмыслению. При этом растущая популярность генеративного искусственного интеллекта меняет то, как люди исследуют и получают доступ к информации. Предвзятая терминология, присутствующая в результатах, выдаваемых генеративным ИИ по тому или иному запросу, может поставить под угрозу общественное восприятие и понимание реальности – в точности как успешная кампания публичной дипломатии, проводимая одной страной в отношении населения другой страны (особенно потенциального противника).

При использовании инструментов, основанных на алгоритмах ИИ, в целях публичной дипломатии принципиально важно осознавать, что им могут быть присущи разные типы предвзятости – не только проистекающие их дискриминации в реальной жизни тех или иных групп населения, но и возникающие из-за доминирования западно-центричных нарративов или фреймов в том или ином сегменте информационного поля, на котором обучался алгоритм ИИ. Иными словами, алгоритмы имеют тенденцию отражать человеческие предубеждения, а их генеративный процесс «зависит от базовых сознательных или бессознательных когнитивных предубеждений пользователей и разработчиков алгоритмов» [5. С. 3]. Для публичной дипломатии наиболее угрожающим результатом бездумного применения алгоритмов ИИ в этом свете является скрытое движение к институализации этих предубеждений и в особенности проникновение и закрепление западно-центричных нарративов среди масс населения или конкретных групп в составе населения, использующих тот или иной инструмент, основанный на ИИ.

Действительно, как отмечают китайские исследователи, «по мере того, как все больше пользователей читают слово «резня» на ChatGPT, когнитивное воздействие может перерасти в коллективную когнитивную ориентацию, генерируя коллективное отношение, вовлеченность, консенсус и действие ... Это коллективное отношение может влиять на общественное мнение и политические решения в регионе. ... Более того, если дипломат полагается на ChatGPT

для подготовки нарратива о проблеме площади Тяньаньмэнь в Пекине, предвзятость ИИ также может повлиять на то, как этот дипломат понимает и оценивает конкретный регион, людей или событие» [3. С. 6].

Вторым ключевым аспектом инструментов ИИ, делающим их использование в целях публичной дипломатии проблематичным или, как минимум, нуждающимся в человеческом контроле, является такой аспект, как неопределенность. Как справедливо отмечают Л. Ди Мартино и Х. Форд: «Неопределенность всегда присутствует в разработке и развертывании систем ИИ, как и во всех других областях научного и технологического развития. Источники неопределенности в системах ИИ варьируются от качества и количества обучающих данных до неопределенностей, связанных с конструкцией и параметрами модели. Несмотря на множественные источники неопределенности в системах ИИ, привлекательность и авторитет таких систем основаны на их кажущейся определенности» [2. С. 2].

Действительно, одним из наиболее часто отмечаемых преимуществ алгоритмов ИИ является то, что они способны, обработав колоссальный массив информации, выдать один ответ, синтезированный из нескольких возможных ответов, сводя огромное множество возможностей к одному результату. В этом заключается «полезность» таких инструментов, как пресловутый ChatGPT, для пользователя.

Однако проблема заключается в том, что и «традиционная» дипломатия, и дипломатия публичная по сути своей призваны не редуцировать неопределенность (что присуще, скорее, пропаганде), а, напротив, работать в среде, где соседствует множество различных неопределенностей (которые генерируются культурными убеждениями, ценностными установками и их динамикой, эмоциями и т.д.), и управлять ими. Простого транслирования информации, постулирования определенных утверждений (что делает ИИ, пусть и на основе колоссальных массивов информации) совершенно недостаточно для публичной дипломатии, призванной повышать доверие и авторитет страны, использующей этот инструментарий, в обществе страны, на которую публичная дипломатия направлена. Для этого совершенно необходимо адекватное представление обо всем спектре существующих в обществе таргетируемой страны мнений и нарративов, открытость к альтернативным интерпретациям фактов и реальности.

Рассмотрим теперь некоторые другие применения генеративного ИИ, имеющие отношение к публичной дипломатии. Одним из наиболее обсуждаемых применений ИИ в настоящее время является создание дипфейков — это «цифровой аудио- или визуальный контент, который был намеренно изменен для ложного изображения объекта, среды или человека и может принимать форму замены лица, реконструкции, генерации или синтеза речи» [7]. Распространение использования дипфейков показывает, насколько тонкой является в современном мире грань между осуществлением публичной дипломатии и ведением информационного противоборства. С одной стороны, дипфейки могут использоваться для влияния на общественное восприятие того или иного события,

той или иной персоналии, что в целом согласуется с целями публичной дипломатии. С другой стороны, дипфейки направлены на манипулирование теми или иными группами населения, подрыв доверия к тому или иному нарративу, институту, персоналии и т.д., и могут подстрекать к политическому насилию, имея своей целью разжигание социально-политической нестабильности в стране-противнике, что уже, вне всякого сомнения, делает дипфейки одним из мощных инструментов информационных войн.

По мере развития ИИ дипфейки и другие технологии манипулирования цифровым контентом в целом становятся все более реалистичными, что ставит перед национальными службами вопрос о защите от них, равно как и от других инструментов информационного воздействия, основанных на ИИ. Одним из ответов становится цензурирование контента по определенным тематикам, которое применяется, к примеру, такими государствами, как Китай и Иран. В Китае в целом можно говорить о создании своего независимого внутреннего интернета, который даже при отключении от глобального интернета продолжит весьма успешно функционировать, предлагая пользователям свои социальные сети, новостные источники, цифровые платформы и т.д., нисколько не уступающие западным аналогам. Иран в настоящее время успешно идет по этому же пути, развивая внутренние интернет-сервисы и строго защищая «национальный интернет».

Может ли ИИ использоваться для публичной дипломатии, направленной на деэскалацию напряжения в двусторонних отношениях, их позитивное развитие? Представляется, что вполне может. К примеру, ИИ может использоваться для анализа настроений населения или отдельных его групп, на которые направлена та или иная конкретная кампания публичной дипломатии. ИИ способен обработать массив информации, содержащей упоминания того или иного события или персоналии и проанализировать контекст, в котором они подаются. Эта сторона ИИ может помочь решить одну из самых давних проблем публичной дипломатии – получение достаточно точных количественных оценок ее результативности. Понимание общественного мнения иностранной аудитории может помочь лицам и институтам, реализующим публичную дипломатию, ранжировать проводимые ими кампании по результативности и сосредоточиться на тех инструментах публичной дипломатии, которые показывают себя как имеющие наибольшее влияние на таргетируемую аудиторию.

Более того, модели, основанные на ИИ, могут использоваться для оценки потенциальных результатов того или иного политического (в том числе дипломатического) решения, прогнозирования вероятности наступления того или иного события в стране-партнере (или стране-противнике), мониторинга враждебной среды или отношения населения таргетируемой страны к стране, осуществляющей публичную дипломатию, и др. Весьма перспективными следует признать и возможности применения ИИ в «традиционной» дипломатии – от начала переговоров до мониторинга и обеспечения соблюдения соглашений. По мере совершенствования больших языковых моделей ИИ сможет искать и обобщать

информацию быстрее, чем команда специалистов-людей. Однако в настоящее время такое применение ИИ наталкивается на те же препятствия, что были описаны нами выше – в первую очередь, на проблему скрытой предвзятости, которая может являться критичной при использовании ИИ, к примеру, при подготовке брифингов и поддержке дипломатических кампаний. Необходимость осуществления человеческого контроля над результатами деятельности ИИ пока что делает реализацию прогнозов о становлении ИИ как независимого агента в международных отношениях делом относительно отдаленного будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гринин Л.Е.** Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1 (23).
2. **Di Martino L., Ford H.** Navigating uncertainty: public diplomacy vs. AI // Place Branding and Public Diplomacy. 2024 // <https://doi.org/10.1057/s41254-024-00330-z>.
3. **Huang Zh.A.** Terminology, AI bias, and the risks of current digital public diplomacy practices // Place Branding and Public Diplomacy. 2024 // <https://doi.org/10.1057/s41254-024-00324-x>.
4. National Security Strategy 2010 // The White House // www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf
5. **Ntoutsis E., Fafalios P., Gadiraju U., Iosifidis V., Nejdil W., Vidal M.E., Staab S.** Bias in data-driven artificial intelligence systems – An introductory survey // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2020. Vol. 10. No 3.
6. U.S. Department of State. Public Diplomacy: Strengthening U.S. Engagement with the World. A strategic approach for the 21st Century. Washington, D.C.: State Department, Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs, 2010.
7. **Williams R., Otto L.** Artificial intelligence as a tool of public diplomacy: Communication between the United States and Iran // The Thinker. 2022. Vol. 90. No 1. No 1171 // https://journals.uj.ac.za/index.php/The_Thinker/article/view/1171.

YU.A. ROGOV

Postgraduate student, Faculty of global studies,
Lomonosov MSU, Moscow, Russia

U.S. PUBLIC DIPLOMACY TRANSFORMATION IN THE EPOCH OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies and algorithms determines the relevance of studying its applicability in various policy areas, especially in those that can significantly benefit from the introduction of big data analysis technologies – a striking example here is public diplomacy. The paper analyzes the prospects and limitations of the applicability of AI algorithms in the field of public diplomacy. It was revealed that two key limitations are the widespread hidden bias of AI algorithms, often implicitly promoting Western narratives, as well as the smoothing of uncertainty. Meanwhile, an adequate understanding of the entire spectrum of opinions and narratives existing in the society of the target country, as well as openness to alternative interpretations of facts and reality, are the cornerstone of public diplomacy.

Key words: public diplomacy, artificial intelligence, US hegemony, decision support, bias, uncertainty.